

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

АД:
АГЕНТ ДЖОЖЕР

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Иллюстрация на переплете А.Клепакова

Головачёв, Василий Васильевич.

Г61 АД. Агент Джокер / Василий Головачёв. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-236002-2

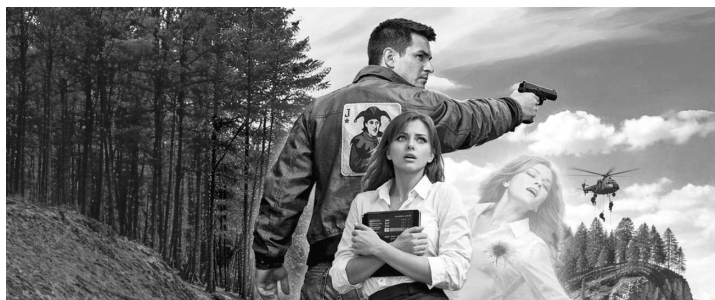
После тяжёлого ранения на фронте капитан Пахом Ровный возвращается домой, но мирная жизнь оборачивается кошмаром. Случайное столкновение с преступниками пробуждает в нём странную способность — кратковременно возвращаться в прошлое. Этот дар, названный хронодайвингом, мгновенно привлекает внимание спецслужб, которые предлагают Пахому опасную миссию под прикрытием.

Его цель — разоблачить масштабную коррупционную схему в Сибири, где под прикрытием местных властей происходит хищение ресурсов. На месте он сталкивается с жестоким убийством коллеги-журналиста и встречает Анфису, которая ведёт своё расследование. Их сотрудничество перерастает в нечто большее, но каждый новый шаг приближает их к смертельной опасности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236002-2

© Головачёв В.В., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

За час до рассвета собрались в тесном блиндаже КП разведки центрального фронта: восемь разведчиков десантно-ударной группы «Бал» во главе с капитаном Пахомом Ровным. Таких рейдов вглубь территории противника группа совершила уже не один десяток и пока что не потеряла ни одного бойца, не считая двух раненых.

Капитану Ровному (оперативный псевдоним Джокер) исполнилось двадцать восемь лет. Это был профессионал диверсионной работы в тылу обороны украинских сбройных сил, способный как карточный джокер решать любые задачи и неожиданно появляться в самом неожиданном для врага месте.

У Пахома было лицо снайпера, сосредоточенного на поражении цели, овальное лицо с твёрдым подбородком, узкие губы и прямой нос, широко разнесённые карие глаза, вспыхивающие иногда до медного блеска. Тёмные волосы были коротко подстрижены, оставляя прядку белых волос надо лбом, а приметные уши едва ли не с кисточками придавали лицу выражение готовой к прыжку рыси.

На фронт он ушёл добровольцем в две тысячи двадцать третьем году после гибели брата, а до этого девять лет служил в филиале Следственного комитета Перми, получив звание капитана. Он и на фронте, попав в со-

тую бригаду центрального управления, остался в том же звании, а так как в Следкоме командовал группой спецназа «Беркут», ему и на СВО поручили командовать десантно-ударной группой, специализировавшейся на проведении специальных операций за линией боевого соприкосновения.

На этот раз приказ поступил из штаба фронта группировки «Центр»: захватить в Часовом Яре французского инструктора полковника Шарля де Бройля, бывшего на Украину для подготовки весеннего наступления. По докладам разведки генерал должен был встретиться с командиром роты «Бандера» капитаном Ляшко вечером первого апреля, чтобы обсудить план атаки в стык наступающим частям российской армии, а уже утром второго рота должна была пойти в атаку. Уточнив расположение опорника роты — котельная стадиона «Авангард», комбат штурмовиков Виктор Поляков дал Пахому команду выступать, и группа двинулась к линии фронта, которой служила улица Спортивная.

Перед тем как отправить группу «Бал», Поляков отвёл Пахома в сторонку под защиту стены разрушенного здания горсовета.

— Вот что, капитан, — хмуро сказал он, доставая сигарету, но не закуривая; давно стало понятно, что беспилотники врага легко находят курцов в окопах и траншеях, и многие бойцы бросили курить. — Мне не нравится, что операция готовится впопыхах. Думаю, какому-то генералу захотелось выпендриться перед приездом министра обороны, и он решил взять «языка», не считаясь с обстановкой. А возражать, сам понимаешь, значит подписать себе приговор.

— Я понял, товарищ майор, — сказал Пахом. — Постараемся не разочаровать.

Укрывшись маскхалатами «болото», поглощающими тепловое излучение тел, группа дождалась начала под-

ключения арты (чтобы скрыть выход группы, Поляков приказал начать артподготовку), выбралась из подвала КП разведки в районе горсовета, и восемь теней бесшумной струёй воды полились к стадиону. На всех были мультикамы «стрелец», ткань которых поглощала большую часть спектра и делала фигуры туманными, а шлемы костюмов имели многодиапазонные рации, датчики тепла, звуковые усилители и суперские забрала, на внутренние пластины которых выводилось изображение, передаваемое командиром группы или спутником.

До цели оставалось всего метров двести, когда проснулся мессенджер рации, связывающий бойцов меж собой в оперативном пространстве.

— Слева копуны! — доложил лейтенант Юра Бурносов, правая рука Пахома, глазастый и ушастый настолько, что ему дали псевдо Сова. Копунами бойцы называли источники шума, которые могли быть порождены противником.

Замерли, вслушиваясь в звуки канонады и всматриваясь в густую предрассветную темень убитого города. Над Часовым Яром висели тучи, и всполохи артиллерийских выстрелов и ракет освещали небо часто.

Пахом связался с КП.

— Впереди заслон! — доложили ему. — Обойдите справа, вдоль моста.

— Где объект?

— Ничего не изменилось, по данным БП-контр объект сидит в подвале котельной, но меня смущает одно обстоятельство. — Поляков помолчал. — Наши гляделки не видят охраны. А такого важняка, да ещё и француза, должны охранять не хуже чем нашу гламурную тусовку.

— Понял, проверим.

Пахом условным постукиванием пальца по мембране микрофона рации послал группу в обход переулка.

Дошли до забора, окружавшего стадион. Он был давно разрушен, часть сидений сгорела, но котельная за амфитеатром центрального поля уцелела, хотя в окружении рухнувших пристроек казалась такой же мёртвой.

Группа превратилась в текучий трезубец перехвата цели. Но всё пока было тихо, в том смысле, что канонада продолжалась, и никто не обнаружил группу, скользящую вдоль остовов домов и груд обломков.

Стена котельной выросла впереди зубчатой глыбой, зияющей чёрными провалами окон.

Пахом включил рацию.

— Заходим!

— Над вами висит бэпешка! — сказал Поляков.

— Сможете отвлечь?

— Подождите пару минут.

Подождали вдвое больше. В небе послышался тихий стрёкот, что-то взвизгнуло, к земле полетел чёрный крестик.

— Готово! — прилетел голос комбата. — Вашего сигнала будут ждать две БМП и штурма.

— Я дам сигнал.

Пахом, превратившийся в мгновенно реагирующий на изменение обстановки боевой механизм, первым шмыгнул в проём выбитой двери.

Котельная была небольшая, предназначенная обогревать спортзалы и освещать стадион. В зеленовато-жёлтом поле зрения инфраочков были видны груды мусора, трубы и обломков интерьера, а пахло здесь горелым деревом, углём, пластиком и мокрым бетоном. С виду в зале никто не был с момента начала освобождения города, но опытные десантники уже увидели сверкнувшие в инфраочках паутинки растяжек, а также определили места установки взрывчатки. Стало ясно, что никаких «французских инструкторов» здесь не было и в помине, а группе устроили банальную ловушку.

Но ведь разведка, посетила Пахома нехорошая мысль, должна была определить масштабы ловушки? Неужели никто из асов-дронобоев не заметил подготовки?!

— Снять растяжки! Проверить подвал!

Бойцы метнулись обследовать и разминировать котельную, тщательно проверяя каждый подозрительный камень или обломок. Всего было обнаружено четыре растяжки с гранатами и на потолке над приборным шкафом дуга специального боеприпаса британского производства. В подвале тоже пряталась закладка заводского изготовления (польский «брашув») с пятнадцатью килограммами тротила, и если бы она взорвалась, вся котельная рухнула бы. К счастью, подрывник группы Костя Панов по кличке Финн быстро отсоединил радиовзрыватель, исключив тем самым команду на подрыв. Однако этого оказалось мало.

Артиллерия с обеих сторон прекратила огонь с рассветом, российская даже чуть раньше.

Пахом связался с КП:

— Через десять минут выходим обратно, поддержите артой!

— Объект? — спросил комбат.

— Ложная цель, здесь никого, котельная подготовлена к взрыву.

Поляков помолчал, переваривая новость.

— С-сука, я так и знал! Уходите!

— Проверьте небо!

Ждать пришлось пять минут.

— С юго-запада к вам движется дронаоблако! Отходите другим путём, через железку!

— Понял!

Группа выбралась наружу, и в этот момент с трёх сторон на неё обрушился пулемётный огонь, раздалось взрывы гранат.

Ответили залпом, залегли.

— Назад!

Заскочили обратно.

— Круг, пробивай стенку на север!

Гранатомётчик группы по кличке Круг, тащивший автоматический гранатомёт РПГ-50, выстрелил по дальней стенке зала.

— Всем уходить! Я прикрою!

— Командир! — взвыл Юра Бурносков.

— Это приказ! Выполнять! Я догоню за железкой!

Тверь — ствол!

Пахом отобрал у Максима Тверского крупнокалиберный «Корд» и метнулся к окну.

— Погнали!

Бойцы исчезли в дымящейся дыре.

Заметив возникшие на фиолетовом фоне очков зеленые цветочки, Пахом дал очередь.

Загрохотало со всех сторон.

— Выдвигаемся к вам! — прилетел в наушник голос комбата.

— Парни пошли за железку, прикрываю!

— Чёрт! — выругался Поляков. — Не геройствуй, давай со всеми!

Пахом дал ещё одну очередь.

За спиной вдруг лопнул огненный шар. Подхваченный взрывной волной капитан взлетел в воздух.

«Бомба!» — мимолётно подумал он, и это была его последняя мысль. Спину словно ошпарило кипятком, в затылок вонзилась невероятно острая игла, и он потерял сознание ещё до того, как его вынесло наружу...

Глава 2

В себя он пришёл только к концу дня в Брянском госпитале № 2, куда его доставили из Часова Яра после столкновения с засадой. Бойцы группы, услышав взрыв,

вернулись к котельной за командиром на БТР-24, успели дойти до стадиона и вытащить капитана, получившего три осколка в спину и один в затылок. Осколок длинной в пять сантиметров и толщиной в два пробил шлем и вошёл в голову аж на три сантиметра, однако Пахом остался жив. Даже в коме провалялся всего часов пять.

Зато на третий день лечения ему стали по ночам сниться странные сны, объяснить которые не смог даже лечащий врач госпиталя Миронов, которому Пахом пожаловался на «галлюники».

— Ничего страшного, — успокоил восьмидесятилетний старик пациента, — иголка не затронула область десять, жить будешь.

— Что такое область десять?

— Часть префронтальной коры, отвечающая за память, планирование и абстрактное мышление. Хотя после таких ранений возможны любые психические реминисценции, а ты даже разговариваешь.

Последние слова очевидно были шуткой в устах врача.

— И что ты видишь?

— Бегу голый...

— Голый?

— Чаще всего, — смутился Пахом. — Никогда не занимался бегом, я больше по стрелковой подготовке спец и рукопашке. В общем бегу, за мной погоня ломится, и вдруг я оказываюсь сзади и догоняю их.

Миронов с любопытством оглядел тёмное похуевшее лицо капитана с запавшими глазами.

— Это интересно. И всё?

— Нет, я их догоняю... и просыпаюсь.

— Сколько их было?

— Трое... пятеро... по-разному. Чаще трое.

— А ещё?

— Ну, еду на бээмпешке... впереди танк, пушка на меня наведена... и вдруг я уже сзади танка!

Врач снял белую шапочку, почесал лысину, надел.

— Пожалуй, надо будет проконсультироваться кое с кем.

Пахом понял, что признался в «галлюниках» напрасно.

Кроме упомянутых видений он помнил ещё несколько, в том числе совсем уж необычные.

Вот он в лесу, идёт в разведку, вооружённый автоматом, вдруг треск, оглаadyвается — а на него смотрит дуло чужого автомата и в руках какого-то маскхалата. В следующее мгновение он отшатывается и оказывается там, где был несколько секунд назад! Причём — за спиной пригнувшегося человека в маскхалате, несущего автомат. Сон кончился, что было потом, осталось тайной, но ведь он это помнил?

— Да ничего страшного, просто перепсиховал.

— Ладно, расскажешь главврачу при обходе. Вот тебе подарок. — Миронов протянул металлический коготь длиной около семи сантиметров и толщиной два в центре. — Вытащили у тебя из черепа. Удивительно, что вот это расширение закупорило дырку в кости и не дало крови вылиться.

Пахом с интересом повертел в пальцах осколок, ощутив его холодную твёрдость.

— Тяжёлый...

— Но тебя он пожалел. Да и шлем помог, ослабил удар. Так что живи и радуйся, капитан. — Миронов хлопал Пахома по руке и вышел.

— Живу... — пробормотал он, разглядывая зазубрину от бомбы, сброшенной на котельную и почему-то не убившей его.

В течение последующих трёх дней он усиленно восстанавливался, с каждым днём ощущая прилив сил, и почти перестал видеть «галлюцинации». Хотя одна из них запомнилась детализацией и ощущением реальности.

Обычно раз в год он приезжал домой в Пермь в начале августа на побывку и заранее договаривался с бывшими одноклассниками о встрече на квартире у Валентины Симоновой. Закончив школу, она осталась в Перми, вышла замуж за Лёшку Балагурова, и они построили себе дом на хуторе Лесной Угол, который продвинутые дети пары называли Лесной Гугл. Дом был двухэтажный, просторный, в нём спокойно размещались больше тридцати человек, во дворе стояла банька, рядом вкопана в землю половина железнодорожной цистерны, используемая в качестве бассейна, и радости эти встречи для всех бывших однокашников доставляли немало.

Пахому же приснился сон, что он вознамерился зачем-то пойти на хутор пешком, да ещё поздним вечером, но никак не мог выбраться из города, плутая по узким тёмным улочкам. В какой-то момент на него внезапно кинулись плохо видимые в сумраке четыре тени, крича на каком-то обезьяньем языке и размахивая ножами, и от неожиданности Пахом отпрыгнул, спасаясь от выппада.

Но это был странный прыжок — через мгновение тишины и полного мрака, и оказался он не в полуметре от бандитов (мигранты! — мелькнула мысль), а в метрах десяти от них! Причём с ощущением, будто до этой мерзкой стаи он ещё просто не дошёл. Вторая мысль подсказала правильное решение. Пахом, конечно же, мог легко справиться с джигитами из бывших южных республик Советского Союза, но, смущённый своим «телепатическим перелётом», поступил иначе.

— Полиция! — рывкнул он. — Всем оставаться на местах!

Тени бросились врассыпную... и сон кончился. А сам Пахом ещё несколько минут тихо млея на койке, вслушиваясь в храп соседа, также раненого в голову, и размышляя о своих недобрых видениях.

Впрочем ему хватило ума больше врачу не рассказывать о галлюцинациях, и возбуждившиеся было психиатры госпиталя от него отстали.

Седьмого апреля с него сняли бинты. Впервые увидев себя наголо обритым, Пахом озадаченно ощупал голову, подумав: мама не узнает! — потом нашёл в облике некую геометрическую завершённость и расслабился. Несмотря на запавшие щёки и заострившиеся черты лица, уродом он не выглядел. Могло быть и хуже. Полюбовавшись на осколок, пробивший голову, спрятал его в карман халата. Теперь он носил его постоянно как талисман.

Девятого апреля его выписали.

Из части в госпиталь прибыли Юра Бурносов, худой, гибкий, как куница, и Макс Тверской, в противоположность лейтенанту обладавший мощной статью, и они помогли бывшему командиру отправиться из Брянска на малую родину, в Пермь.

— Ты там не расслабляйся, командир, — сказал Юра при расставании на перроне. — В Перми что-то неладное происходит.

Пахом прищурился в сомнении, разглядывая подвижное лицо лейтенанта цвета оливок, крупногубое, скуластое, редко выглядевшее печальным. Бурносов часто шутил, любил прихвастнуть, разыграть товарища, иногда мог не сдержать матерное словцо. Однако на него всегда можно было положиться, поэтому он стал не просто подчинённым командиру УДГ, но и его другом. В данный же момент он не шутил.

— Что ты имеешь в виду?

— Читал в «Дзене», что тамошние власти очень расположены к мигрантам.

Пахом сдвинул брови, вспомнив свой сон.

— Ну и что?

— Раздают жилищные сертификаты мигрантам направо и налево, а участника СВО вышвыривают на улицу.

— Да ладно!

— Честно, своими глазами читал. Выселяют не кого-нибудь, а капитана полиции, двадцать лет прослужившего в МВД! Якобы он незаконно владеет служебной квартирой. При этом какому-то Алишеру вручают сертификат, вот мы какие толерантные!

— Пусть этими делами соответствующие инстанции разбираются.

— Да я понимаю, так ведь жалко человека. А ты скорее поправляйся и обратно к нам.

— Я вернусь.

— Не спеши. — Бурносов понизил голос. — Командир, а кто нас сдал в Часовом Яре? Ведь засаду сделали не с бухты-барухты? Это целая операция была?

Досада в душе понизила настроение, он и сам считал, что без злого умысла не обошлось, но искать виновных не собирался.

— Разберутся.

Обнялись, и Пахом зашёл в вагон, ощутив, как сжимается сердце. Увидимся ли ещё раз? — пришла вдруг печальная мысль.

Глава 3

Родители не ожидали встретить сына так скоро. Для них он находился на фронте и собирался приехать только летом, в конце июля. Радости мамы Пахома Ларисы Степановны, которой исполнилось шестьдесят лет, не было предела. Да и отец, семидесятилетний Игнат Селиверстович, не скрывал любви к младшему сыну, которому привил многие мужские качества, такие как верность долгу и твёрдость в выполнении обещаний.

Вечером девятого апреля семья собралась в скромной квартирке бывшего спасателя МЧС. К ним присоединился брат Кузьмы Игнатовича Иван с женой Марусей, сорокалетний брат Пахома Феофан, работающий мастером на заводе резинотехнических изделий, тоже с женой Леонсией, и двое однокашников Пахома Пётр Ладыжников и Кирилл Золотарёв. Оба после окончания школы в Перми закончили местный институт речного транспорта и остались на малой родине. Оба были женаты на молодых жительницах города, которые в данный момент родили сыновей и остались дома.

Выпили за встречу, за друзей, за победу в СВО, расслабились, и гости потребовали Пахома рассказать о военной жизни. Пришлось поделиться воспоминаниями, упустив некоторые подробности встреч с противником. Больше всего вопросов о подвигах капитана было у женской половины компании, тем более что повязку с головы Пахому снять не разрешили, и выглядел он импозантно. Все три женщины норовили проверить, какой величины была рана, и Пахом показал им осколок бомбы, оставившей в кости затылка след.

— На гранату не похоже, — заметил худой и вихрастый, как школьник, дядя Иван, повертев в руках осколок; он тоже воевал, получил ранение в две тысячи двадцать пятом и был комиссован.

— УБМПК, — сказал Пахом.

— Я знаю, пятисоткилограммовая бомба с модулем планирования и коррекции! — воскликнул Петя Ладыжников, с которым Пахом когда-то играл в баскетбол за школьную команду. — ФАБ называется.

Пахом кивнул.

— ФАБы бывают и тонные, и даже трёхтонные. По нам же лупанули самой маленькой, двухсотпятидесяткой.

Пётр работал на пермском химкомбинате, выполняющем заказы оборонки, слыл хорошим специалистом, и на войну его не пустили.

Точно так же не был на фронте и Кирилл, вечно чем-то болеющий. В отличие от долговязого Петра он был толст, приземист, рыхл, но обладал добрым нравом и со всеми дружил.

— Где тебя ранили? — любопытствовала жена Феофана Леонсия, полная женщина с короткими волосами. — Ведь это из-за раны тебя отпустили домой?

— В Часовом Яре наткнулись на засаду, — вырвалось у Пахома, о чём он тут же пожалел, видя, как оживились слушатели. — Пришлось бежать назад сломя голову.

— Хорошо, что добежал! — фыркнул дядя Ваня. — Ты вроде бы до этого в засады не попадал.

— Так получилось.

— Предали? — предположил Кирилл. — Я читал, что на фронте много плохого происходит, но чтобы такое...

— Были и настоящие предатели, выпущенные из тюрем, которые себе на уме, но такие быстро превращаются в людей или внезапно гибнут.

— А с бандитами приходилось встречаться? Я имею в виду самых злобных, бандеровцев.

— Не часто, — соврал Пахом. — У меня в подчинении есть парнишка Юра, лейтенант, двадцать три года, классный снайпер, так вот его мечта, чтобы убийцы и мучители на Украине перед смертью испытывали ту же боль, что переживали их жертвы.

— Да, для нацистов смерти мало! — покивал седой головой дядя Иван. — Их надо казнить долго-долго, за каждого убитого ими человека! Только это не поможет, не подействует на других таких же упырей.

— Расскажи, как ты с ними воевал! — загорелся Пётр.

— Ой, лучше не надо! — взмолилась Леонсия. — Давайте о чём-нибудь хорошем!

— Ладно, похвастайся медалями.

Пахом поёрзал на стуле, отец сорвался с места и принёс парадный китель Пахома, на котором светились пять орденов, в том числе орден Славы, и медаль «За отвагу».

Гости зашевелились, вставая, чтобы получше разглядеть ордена.

— Ничо иконостас! — восторженно проговорил Кирилл. — Похвастаюсь, что у меня друг военный ерой!

— Не надо, — пробормотал Пахом.

Старший Ровный унёс китель.

— Кто тебе вручал орден Славы?

— Командующий армиями группировки «Север».

— А с беспилотниками у вас как? Говорили — не хватает.

— Сейчас очень много, что у нас, что у укропов. Летают стаями и бегают табунами.

По комнате разбежались смешки, весёлые возгласы и шутки.

— Как табунами? — удивилась Лариса Степановна. — Табунами кони ходят.

— Появились и наземные беспилотные машины, в основном для переноски боеприпасов и вывоза раненых. Но уже созданы разведчики величиной с кошку, и даже истребители танков...

— Терминаторы! — важно вставил слово Кирилл.

— ...и бегающие мины-камикадзе, — закончил Пахом.

Какое-то время гости оживлённо обсуждали тему, а Пахом наконец мог полакомиться маминым яблочным пирогом. Потом поговорили о дронах с оптоволоконным управлением, о боях российских беспилотников с украинскими, и тема незаметно сошла на нет, перешла в другую область «экспертных» оценок. Пахом невольно подумал, что на таких встречах самыми непогрешимыми знатоками всегда считают себя те, кто мало разбирается

в предмете разговора. Но спорить с ними не стоило, а уж в семейном кругу тем более.

Жена Феофана первая заговорила о вечной теме блогеров — кто сколько зарабатывает, и почему на таких ведутся хорошие люди, ей ответили младшие мужчины, обвинившие сам народ за желания верить идиотам из Сети, им возразили старшие, сошлись на формуле отца Пахома, что блогерство есть искусство открыто презирать людей, и спор затянулся до тех пор, пока не спросили мнение у Пахома.

— А что тут обсуждать? — сказал он спокойно. — Меня воспитывали всему добиваться успеха с помощью труда, а не мечтать получать бабло ничего для этого не предпринимая. Хочешь стать богатым? Флаг в руки, иди работай, заведи бизнес, подавайся в науку, а не торчи у экрана годами напролёт. Мой наставник по военной психологии полковник Савченко говорил: цивилизация обречена, если мы не научимся правильно воспитывать в первую очередь себя, во вторую наших детей.

— Ну, это и я могу привести примеры, из-за чего мы выйдем, — фыркнул брат Пахома. — А мы точно выйдем, если не сломаем существующую концепцию порождения миллионеров с одной стороны, нищих юзеров — с другой. Где это видано, чтобы футболист получал зарплату в тысячу раз больше учёного?

— Потому что они на этом зарабатывают! — сказал Кирилл.

— Это правда, — кивнул дядя Ваня.

— Кое-что меняется, — возразил Пахом. — Русская Община появилась, борется с мигрантами в первых рядах, да и в армии многое поменялось.

— Вы видели, как они одеваются? — спросил Петя, заговорив о своём. — Это же попугай пополам с павлином! А какие прибабасы носят «элитные» мадам? Читал в «Комсомолке», что одна инфоцыганка вышла в свет

с сумочкой по цене квартиры! А волонтеры собирают на фронт вещи для бойцов, даже коптеры покупают! Это куда дальше?!

— Я сама не против поносить такую сумочку, — засмеялась Леонсия. — Не всё же гламурным звёздам носить.

Снова по комнате рассыпались весёлые голоса друзей и родственников, доставляющие искреннюю радость Пахому. Давно он не испытывал такого приятного единения с людьми, ради которых и воевал с нацистами.

— А ты как относишься к звёздам тусовок? — обратился к Пахому Кирилл.

— В общем-то никак, — сказал капитан. — Я не смотрю ТВ, не брожу по интернету и не хожу в театры. Книги изредка читаю.

— Война не даёт?

— Он по жизни такой, — засмеялся Феофан. В отличие от атлетически сложенного брата он выглядел субтильным мужичком сорока лет, хотя в школе это когда-то был первый лыжник.

— А что читаешь?

— Да разное, Иванова «Вечный зов», а недавно прочитал хорошего современного писателя Юрия Полякова.

— Не читал.

— Рекомендую. Так вот, он писал о Пушкине и спросил: вы слышали хоть что-нибудь о звёздах гламурных тусовок времён Пушкина? Ему ответили: нет. Он засмеялся: а они были, и где теперь? А между тем Пушкин уже двести лет пользуется спросом и живёт в душах людей.

Леонсия захлопала в ладоши.

— Круто сказал!

— А ты надолго к нам? — спросил Кирилл.

— Пусть вылечится, — сдвинула брови Лариса Степановна. — Может, его вообще комиссуют.